

МАЛЕНЬКІЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Въ дебряхъ символизма.

Многіе боялись этого уже давно.

Когда онъ, никому не вѣдомый, ничему сколько-нибудь систематически не учившійся, вышелъ, такой смѣлый, такой дерзкій, изъ самыхъ подонковъ общества и заговорилъ своимъ собственнымъ яркимъ, цвѣтистымъ, образнымъ языкомъ—это было великолѣпно.

Передъ нами была сила, громадная, правда, неуклюжая, правда—порою излишне жестокая, но несомнѣнная силаща, нѣчто стихійное, непосредственное, и вслѣдствіе этого свѣжее.

Человѣкъ безо всякихъ усилій, безо всякаго напряженія выбрасывалъ изъ своей души все, что скопилось тамъ за годы страданій, скитаній, тяжелой борьбы съ нуждой.

Усилія требовались не для того, чтобы высказать все это. Усилія требовались для того, чтобы сдерживать весь этотъ запасъ наблюденій изъ среды, еще мало обрисован-

ной. Усилія требовались для того, чтобы сдержать въ себѣ напоръ мыслей, чувствъ, мечтаній,—всего, что накопило и рвалось наружу.

Пускай, порою это отзывалось добрымъ старымъ романтизмомъ; пускай, порою это было нѣсколько наивно; пускай, авторъ часто не довольствовался свѣтомъ дневного солнца, представляющаго предметы въ ихъ настоящихъ размѣрахъ, и освѣщаль ихъ бенгальскими огнями, осыпалъ искрами и огнями блестящихъ фейерверковъ,—Богъ съ нимъ. Въ каждой строкѣ этихъ произведеній чуялся большой талантъ и большая искренность,—все нужное для художественнаго произведенія.

Встрѣтили его появленіе восторгомъ и сразу поставили его въ первые ряды, но тутъ-же стали и бояться за него.

Какъ-то справится эта первобытная сила, когда встрѣтится на своемъ пути съ культурой; когда этотъ человѣкъ, прущій теперь напроломъ, безъ дальней думы, послушный голосу инстинкта, заразится рефлексіей; когда онъ, исчерпавъ наблюденія надъ той мало знакомой средою, гдѣ ему довелось жить, захочетъ стать пѣвцомъ новаго для него міра, міра интеллигенціи?..

Сумѣетъ-ли онъ и тутъ остаться въ первыхъ рядахъ? Сможетъ-ли соединить свою силу дикаря съ той углубленностью способностью къ тонкому анализу, какія нужны для новой роли?

Опасенія, возможные уже аргіогі, начали принимать характеръ вѣроятности еще тогда, когда появилась блѣдная „Варенька Олесева“ со своимъ страннымъ и не особенно интереснымъ приватъ-доцентомъ.

Здѣсь уже не чувствовалось, что авторъ на своемъ мѣстѣ, что онъ рассказываетъ, такъ, какъ никому другому не рассказать а, напротивъ, казалось, что рядъ другихъ писателей разработали бы эту тему глубже и интереснѣе.

Горькій сталъ пріобщаться къ російской интеллигенціи. Самоцвѣтный камень стали шлифовать. И у многихъ екнуло сердце: хорошо, если послѣ шлифовки онъ заблеститъ новымъ, лучшимъ блескомъ, а если только потеряетъ въ вѣсѣ?

Людей, принявшихъ шлифовать талантъ Горькаго и придавать ему желаемую форму, явилось множество. Всѣ русскіе критики, отъ стоящихъ въ самыхъ первыхъ рядахъ, до рядового журнальнаго обозрѣвателя, стали поучать молодого писателя, какъ и о чемъ ему нужно писать. Мнѣнія и поученія получились самыя противоположныя, и въ дебряхъ ихъ нетрудно было заблудиться человѣку и съ очень твердой, испушенной мыслью.

Н. К. Михайловскій остерегалъ Горькаго отъ увлеченія декадентствомъ и видѣлъ ясныя симптомы его; Л. Е. Оболенскій возмущался самой возможностью подобныхъ подозрѣній; г. Скабичевскій скорбѣлъ о томъ, что Горькій необразованъ и не имѣетъ диплома ни отъ какого учебнаго заведенія, а г. Меньшиковъ сокрушался по поводу того, что Горькій все-таки недостаточно непосредствененъ, что все-таки онъ хватилъ и культуры, и образованія.

За этими шли десятки другихъ критиковъ и критикановъ, и всякій молодецъ, отдавая должную дань таланту, снисходительно и покровительственно наставлялъ его на свой образецъ.

Горькій осилилъ уже передъ тѣмъ множество житейскихъ невзгодъ, вышелъ побѣдителемъ изъ тысячи столкновеній съ жизнью,—хотѣлось вѣрить, что вынесетъ онъ и критиковъ, вынесетъ и натискъ культуры и сохранить силу, образность, непосредственность.

О, сохрани меня Богъ утверждать, что эта вѣра насъ обманула; насколько радостно встрѣчать и привѣтствовать новое, еще незамѣченное дарованіе, настолько-же тяжела и неприятна роль могильщика.

Я и не собираюсь хоронить талантъ Максима Горькаго. Быть можетъ, онъ еще и не расцвѣлъ, быть можетъ, онъ сулитъ еще намъ въ грядущемъ новые восторги, но мнѣ хочется указать на то, что тамъ, гдѣ этотъ писатель отрывается отъ той среды, изъ которой онъ вынесъ свои лучшіе образы, и всгупаетъ въ область эстетической гражданственно-философствующей символики, тамъ онъ оказывается безпомощнымъ въ чуждой ему стихіи.

Нигдѣ эта безпомощность таланта не проявлялась съ такой обидной яркостью, какъ въ его произведеніи „Человѣкъ“, помещенномъ въ первомъ сборникѣ товарищества „Знаніе“.

Твореніе это занимаетъ всего восемь страничекъ небольшого формата, отпечатанныхъ крупнымъ шрифтомъ, и все-же оно растянуто до безконечности.

Завѣтъ Шиллера о томъ, чтобы въ произведеніи „словамъ было тѣсно, мыслямъ—просторно“, не выполненъ здѣсь совершенно. Словамъ здѣсь просторно до такой степени, что они зовутъ къ себѣ въ гости другія, имъ вовсе ненужныя, ихъ самихъ повторяющія, ихъ самихъ разбавляющія, просто потому, что мѣста много.

Форма рассказа—полустихотворная, излюбленная Горькимъ въ послѣднее время. Это не стихотвореніе въ прозѣ, ибо для этого прежде всего нужна проза, лишь по содержанию и тону родственная стихамъ; это и не стихи, такъ какъ ритмъ ихъ нерѣдко хромаетъ и имъ недостаетъ необходимыхъ стиху стройности и сжатости.

Это—проза въ стихахъ.

Иногда, какъ въ „Пѣснѣ о соколѣ“, Горькій достигаетъ и въ этой формѣ большой художественности, но чаще онъ въ такихъ случаяхъ расплывчатъ и искусствененъ.

Твореніе это—гимнъ гордому, трагически-прекрасному человѣку, который „медленно шествуетъ—впередъ! и—выше!“

Критикуя кого-то изъ авторовъ, Гейне говоритъ: „Онъ въ нѣсколькихъ огромныхъ томахъ очень скверно сказалъ то самое, что я, Генрихъ Гейне, прекрасно выразилъ въ одной маленькой книжкѣ“.

Горькій могъ бы перефразировать это, сказавъ: „Мой Сатинъ въ нѣсколькихъ строкахъ своего монолога сказалъ о человѣкѣ гораздо больше, гораздо лучше и гораздо проще, чѣмъ я на восьми страницахъ“.

Смыслъ этихъ восьми страницъ заключается въ томъ, что трагически прекрасный человѣкъ идетъ впередъ и выше.

„И какъ планеты окружаютъ солнце, такъ человѣка тѣсно окружаютъ созданья его творческаго духа: его—всегда голодная—Любовь, вдали за нимъ прихрамываетъ Дружба; предъ нимъ идетъ усталая Надежда; вотъ Ненависть, охваченная Гнѣвомъ, звенитъ оковами терпѣнья на рукахъ, а Вѣра смотритъ темными очами въ его мятленное лицо и ждетъ его въ свои спокойныя объятія“.

У Человѣка, по словамъ Горькаго, одна вѣрная подруга—Мысль, съ большою буквой, какъ и всѣ остальные силы и свойства.

„И Слабостью рожденныя три птицы,—Уныніе, Отчаянье, Тоска—три черныя, уродливыя птицы—зловѣще вѣютъ надъ его душою, и всѣ поютъ ему угрюмо пѣсню о томъ, что онъ—ничтожная букашка, что

ограничено его сознание, бессильна Мысль, смѣшна святая гордость, и что бы онъ ни дѣлалъ, онъ умретъ“...

Согласитесь, что это и многорѣчиво, и велерѣчиво, и окунаетъ сильный и яркій талантъ Максима Горькаго, совершенно чуждый туманной и бессильной символисткѣ, по уши въ банальность.

Далѣе--Человѣкъ то поддается голосу „гнилой Пошлости“, то загорается возмущеніемъ и вѣщаетъ очень благородныя, но старыя, какъ мѣръ, истины.

Прекрасныя, свѣтлыя мысли, но—Боже мой, въ какую поношенную и банальную одежду облечены онѣ! Кого онѣ могутъ плѣчить въ такомъ подержанномъ нарядѣ, кого зажгутъ?

Гдѣ прежніе, сильные образы? Гдѣ свѣжесть, оригинальность, отмѣчавшія каждое произведеніе Горькаго? Въ этой дешевой символисткѣ ими не пахнетъ.

„Человѣкъ“ идетъ „впередъ! и—выше!“—а вы начинаете бояться, что авторъ остановился, или шагнулъ назадъ.

■ Не будемъ, однако, каркать, и станемъ вѣрить, что молодой, сильный и такой нужный для нашего времени талантъ лишь на непродолжительное время заблудился въ дебряхъ символа и снова выйдетъ, смѣлый и сильный, на свою дорогу.

Сергѣй Яблоновскій